

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-133-140

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ: СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ЭВФЕМИЗМЫ

Сиринова Л.А.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются средства вербальной реализации психологически обусловленных негативных эмоций. Выявляются, сопоставляются и систематизируются средства вербализации негативных эмоций в современном коммуникативном пространстве английского и русского языков, определяются наиболее эффективные языковые средства для выражения этих эмоций в обоих языках. Проведённое исследование позволяет автору статьи утверждать, что национальные стереотипы коммуникативного поведения и их вербализация в виде национальных языковых формул способствуют эффективности процесса коммуникации.

Ключевые слова: негативные эмоции, лингвокультура, сниженная лексика, бранные слова, эвфемизмы, инвектива, вульгарная языковая личность, эмоциональный интеллект.

WAYS OF EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS: REDUCED VOCABULARY, PHRASEOLOGISMS, EUPHEMISMS

L. Sirinova*Moscow Region State University
10A, Radio st., 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. In the article the author analyses means of verbal expression of psychologically conditioned negative emotions. He also reveals, compares and systemizes means of verbal realization of negative emotions in the modern communicative world of the Russian and English languages, as well as identifies the most effective means of expressing this kind of emotions in both languages. The conducted research allows the author to state that national stereotypes of communication and their verbalization presented as national language formulae facilitate the process of communication and make it more effective.

Key words: negative emotions, linguoculture, deflated words, abusive words, euphemisms, Invective, vulgar linguistic identity, emotional intelligence.

В современном обществе явно прослеживается этническое, политическое, экономическое напряжение, проявляющееся в отношениях власти и отдельного народа, в отношениях между разными народами, в межличностных связях отдельных индивидов. Это напряжение находит отражение в гипертрофированном проявлении человеческих эмоций, всё чаще отрицательных. В конфликтных

ситуациях эти эмоции вербализуются и своеобразно реализуются в современном коммуникативном пространстве.

Вышесказанное обосновывает актуальность предпринятого исследования, направленного на выявление и изучение особенностей репрезентации эмоций, их оценки. Изучением вербализации эмоций занимались такие учёные, как А. Вежбицкая, В.И. Жельвис, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, В.И. Шаховский. В частности, А. Вежбицкая изучала номинацию «гнева», «жалости» и других эмоций на материале немецкого, русского, польского и английского языков [1], другие исследователи рассматривали эти вопросы на материале русского языка.

Как подчёркивает В.И. Шаховский, «современная наука обладает достаточным количеством знаний, а дискурсивная практика подтверждает, что человек не только *Homo sapiens*, но и *Homo sentiens*, поскольку многими его действиями руководят эмоции» [10, с. 7]. Некоторые исследователи утверждают, что мысль первично была представлена собственно в виде эмоционального образа, что, вероятно, в процессе порождения мысли первично актуализирует её эмоционально-оценочный компонент (А. Бине, Г. Браун, К. Изард, В.И. Шаховский). При этом вербальную коммуникацию всегда сопровождает эмоциональная коммуникация, они проявляются в единстве.

Заметим, что каждая лингвокультура, несомненно, уникальна, оригинальна. Эта уникальность находит выражение при репрезентации эмоций. Специфически представленная оригинальность или уникальность предопределяет выбор языковых средств,

способа соответствующих противодействий или противостояний этим контактам, поскольку за этим выбором скрыты вербально-дискурсивные праформы, несовпадающие в разных лингвокультурных сообществах. Они обуславливают узкую вариативность вербального и невербального поведения, его конфликтность, поскольку варианты праформ служат фильтром, через который просеиваются мотивы, аффективно-эмотивная и когнитивная настройки, установки [8, с. 16]. Праформам противостоят и новые проявления вербализации эмоций, которые ещё должным образом не изучены.

Цель исследования – рассмотреть средства вербализации негативных эмоций в современном коммуникативном пространстве английского и русского языков, уточнить некоторые новые тенденции в этом процессе. Объект исследования – средства вербализации негативных эмоций в русской и английской лингвокультурах. Предмет – сниженная лексика, фразеологизмы, эвфемизмы, проклятия, междометия с негативной коннотацией.

Психологи утверждают, что эмоции практически не выражаются в некоем выделенном виде: они реализуются, как правило, в совокупности, например, эмоции гнева – недовольство, раздражение, возмущение, ненависть, ярость, неистовство.

Специфическим признаком системности при категоризации эмоций является их амбивалентность – так, любовь и ненависть могут овладеть человеком одновременно, что подтверждается огромным количеством примеров. Это явление поэтизируется в художественных текстах, например, в

прецедентном выражении – от любви до ненависти один шаг (англ. *There's a thin line between love and hate*). Полярность соотношения эмоций по типу оценки (положительная / отрицательная) отражена в лексической системе языка как в сфере номинации эмоций (*love / hate* 'любовь / ненависть'), так и в сфере их выражения (*wonderful / terrible* 'замечательный / ужасный').

Как известно, при помощи языковых средств человек может не только описывать, называть и выражать эмоции, но и скрывать их, имитировать, симулировать и т. п. Эмоции можно измерять по интенсивности, силе, длительности, искренности и пр., что выражается лексическими, словообразовательными, грамматическими и фонетическими языковыми средствами. Заметим, что сфера сознания, охваченная эмоциями, количественно выражается тремя измерениями: удовольствием – неудовольствием, расслаблением – напряжением, покоем – возбуждением. Эти параметры В.И. Шаховский называет осями, на которых репрезентируется эмоциональный опыт человека [10].

Проблемы, связанные с человеческими эмоциями, давно привлекают внимание исследователей, в науке выработаны многочисленные концепции, в которых эмоции рассматривают как многомерное явление. Известно, что издавна люди формулировали словесные формулы, словесные комплексы, позволявшие говорящему избавиться от энергетического напряжения, «сбросить» эмоции, прежде всего отрицательные.

Как отмечают исследователи, энергия, необходимая для инстинктивных действий, постоянно аккумулируется

в нервных центрах, а когда накапливается достаточное количество этой энергии, может произойти «взрыв», даже при полном отсутствии раздражителя [7]. Прогнозируя возможные направления негативного выброса эмоций, К. Лоренц использует понятие «переориентация» агрессии (термин Н. Тинбергена), считая, что такие действия, как битвё посуды, размахивание руками, порча мебели – это уникальные способы изменения направления или ориентации агрессии, известные человечеству с давних времён [7, с. 11]. В языкознании бытует мнение о том, что проявление эмоций отражает своеобразный стиль мышления человека и его речи.

Сегодня никто не сомневается в том, что человеческая агрессия – это явление мирового масштаба. Кажется, уже нет общества, в котором в какой-то мере не проявлялась бы агрессия, однако именно её проявление, как отмечают исследователи, и межкультурное отличие прежде всего выражаются в возможностях её реализации. Как убедительно продемонстрировал З. Фрейд, человек не может длительное время сдерживать агрессию, раздражение, гнев, ярость, неистовство держа их под контролем. Осознавая опасность агрессии, каждое общество стремится направить её в безопасное русло и производит для этого специальные средства, планирует соответствующие меры. Экспериментально доказано, что психика, сознание, мышление и речь тесно взаимосвязаны, и в каждом языке есть эмотивные знаки, с помощью которых вербализируется, т. е. отражается и выражается, эмоциональное отношение человека к окружающей среде и к себе. В современной

науке функционирует термин «эмоциональный интеллект», т. е. способность человека управлять своими эмоциями в речевом поведении в каждой конкретной ситуации.

Среди эффективных языковых средств выделяют использование сниженной лексики и фразеологизмов, эвфемизмов, проклятий, междометий с негативной коннотацией, инвективов, эмоционально-усилительных наречий, прилагательных, окликов.

Согласно Е.Б. Гришаниной, «в состав семантического поля сниженной лексики как один из составляющих её компонентов входят бранные слова. Они характеризуются особой экспрессией, эмотивностью, интенсивностью, всегда отрицательной оценкой и, в ряде случаев, яркой образностью... Бранная лексика по преимуществу связана с устной формой речи, которая позволяет выразить отрицательную эмоциональную оценку действительности и показать негативное отношение к ней говорящего» [4, с. 18].

Часто при вербализации негативных эмоций носители английского и русского языков, помимо подлинно бранных слов (*scoundrel*, *rascal*, *blackguard* ‘подлец, негодяй, мерзавец,’ и т. п.) использует слова, небранные в прямом смысле, однако имеющие бранную коннотацию (*pig* ‘баба, кляча’, *oldgoat* ‘старый козел, кобель’, *lamppost* ‘дубина’ и т. п.).

В языке выделяют отдельный лексический слой вульгаризмов, т. е. слов, грубых и не принятых в литературном языке слов или слов, неправильных по форме выражения. В лингвистике вульгаризм как лингвистический термин определяется так: «грубое или такое высказывание, которое исполь-

зуется только в разговорной речи и особенно в речи некультурных и необразованных людей» [3, с. 112]. Вульгаризмы можно рассматривать как элементы экспрессивного просторечия под углом их этико-стилистического снижения, хотя это снижение качественно отличается от других нестандартных слов.

Проклятия относятся к очень эффективным формам снятия эмоционального напряжения – это специальное прецедентное выражение, фразеологизм, паремия, наполненные только прагматичной информацией, средство, направленное на нейтрализацию негативных эмоций, а иногда и их порождение. Все эмоции дискурсивны, для их выражения часто используют дискурсивные слова или выражения [9]. Итак, проклятие имеет статус дискурсивного выражения, например англ. *Bad scan to you!* ‘Чтоб тебе пусто было!’, *A plague on you for saying such things* ‘Тому лопни глаз, кто не любит нас!’, *Fie on your vile tongue!* ‘Типун тебе на язык!’, *The hell with him!* ‘Пропади он пропадом!’, *Blast it all!* ‘Тори оно синим пламенем!’ и т. д.

Однако в современной английской и русской речи языковые единицы этого типа используются всё реже – их вытеснили инвективы, мат (в русском языке), грубая лексика, что отражается в речи молодого поколения и является сленгизмом. В настоящее время создано много специализированных словарей эмоциональной (нецензурной) лексики, некоторые толковые словари также содержат инвективы; художественная литература, театр, телевидение сняли табу на использование вербальной агрессии как способа самовыражения личности.

По утверждению В.И. Жельвис, инвектива – это осознанно грубое нарушение социальных запретов, вызванное необходимостью снятия психологического напряжения. Можно искать и другие способы выхода негативной энергии, но вербализация агрессивных эмоций, без сомнения, сохранится в обществе, хотя, возможно, и примет иные формы [6]. К сожалению, пожелания В.И. Жельвис не реализуются, и другие, более позитивные способы выхода негативной энергии не найдены. Заметим, что эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков зафиксировано больше, чем с положительной.

Табу обычно получают в речи синонимы-эвфемизмы. Общеизвестные бытовые эвфемизмы как заместители табу постепенно получают вульгарную коннотацию, т. е. деградируют. По семантической структуре бытовые эвфемизмы и псевдоэвфемические выражения представляют собой употребление слов и выражений в переносном смысле на основе сходства, аналогии, в результате ассоциации по содержанию и используются для прикрытия нескромных мыслей, намерений и явлений жизни. При семантическом опустошении табу функционируют только в просторечии и не связаны с литературным стандартом из-за отсутствия стилистически нейтральных синонимов-эвфемизмов [8, с. 16].

Современное языковое табу (т. е. табу в плане выражения) тесно связано с матом (в русском языке) и подобным явлением в английской речи. Матерные выражения – это выражения, квалифицирующиеся как негативные, которых следует избегать, в некоторых случаях их можно заменить выска-

зываниями более мягкими, описывающими действительность косвенным путём. Таким образом, языковым табу в современном английском и русском языках являются собственно матерные выражения, пошлость которых имеет изначальный характер, и именно они часто подвергаются эвфемизации.

Итак, наложенное на мат табу стало причиной употребления эвфемизмов. Ряд: табу – мат – эвфемизм разорвать невозможно, поскольку эти явления взаимосвязаны. Конечно, об эвфемизмах мы можем говорить только тогда, когда слова, заменяемые ими, параллельно существуют в сознании говорящих данного языка [5]. Иногда из-за частого использования эвфемизмов последние принимают на себя роль синонима заменяемого слова и теряют смягчающую силу. В результате эвфемизм отождествляется с высказыванием, на которое наложено табу. Из этого следует, что статус эвфемизма не постоянен.

Использование сленга помогает обойти социальные табу. Доминирующий в лингвокультуре язык стремится уклониться от явного выражения определённых фактов, а сленг позволяет рассуждать об этих фактах эвфемистическим способом. Поэтому в жаргонных словарях особенно много таких тем, как секс, насилие, преступления и наркотики.

Интересно в реализации негативных эмоций проявляют себя и междометия: *Feh!* ‘Фу!’, *Pish!* ‘Фи’, *Bleck!* ‘Бе-бе’, *Ga-ga* ‘Тю-тю’, *Cuckoo!* ‘Ку-ку’, *Bla-bla-bla!* ‘болтать попусту = ля-ля-ля-ля’, *Hush!* ‘Цыц!’ и т. п. В русскоязычном и англоязычном коммуникативном пространстве распространено междометие *Itty bitty* и выражение *touchy-feely*

‘Ути-пути-пути!’, первое из которых используют для уменьшительно-ласкательного обращения (часто к детям), а второе – для описания поведения или внешности манерного, изнеженного человека, взрослого или ребёнка. Языковой статус этой единицы не считают устойчивым. Это такое же звукоподражательное слово, как и *Bang!* ‘Хрясь!’, но оно содержит презрительную тональность [6, с. 43]. Как представляется, ограниченный инвентарь полифункциональных табуированных выражений, представляющих собой коммуникативные клише особого типа – эквиваленты междометий, служит индексом вульгарной языковой личности [6, с. 39].

Итак, речевое поведение – это, бесспорно, осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ человека, а ментальные стереотипы – это определённые установки и привычные реакции, которые приобретают языковую и неязыковую формы и характеризуют языковую личность. Если стереотипы

доминируют, они характеризуют языковой коллектив, или всё лингвокультурное сообщество. Несмотря на то, что существуют убедительные доказательства того, что человек не может длительное время сдерживать агрессию, раздражение, гнев, ярость, неистовство, т. е. держать их под контролем, в современной науке выработался определённый термин – «эмоциональный интеллект», т. е. способность человека управлять эмоциями в каждой конкретной типичной ситуации. В современной лингвокультуре русского и английского языков можно наблюдать формирование вульгарной языковой личности, утрачивающей положительные признаки коммуникативной эмоциональной компетенции. Возможно, необходимо возрождать национальные стереотипы коммуникативного поведения с привлечением в речи соответствующих национальных языковых формул для воспитания людей с новым «эмоциональным интеллектом». Изучение этого вопроса и составляет перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: монография. М.: Просвещение, 1996. 300 с.
3. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 104–114.
4. Гришанина Е.Б. Сниженная лексика как средство характеристики персонажей в творчестве А.П. Чехова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2008. № 1. С. 18–22.
5. Дембская К. Языковое табу: эвфемизмы и вульгаризмы в современном русском языке // *Rossica Olomucensia XXXVIII zarok 1999* (Ročenka Katedry Slavistiky na Filozofické Fakultě Univerzity Palackého). Olomouc, 2000. S. 235–239.
6. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психоллингвистическая интерпретация речевого воздействия: монография. Ярославль, 1990. 81 с.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, Универс, 1994. 272 с.
8. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сборник науч. трудов*. М., 2003. С. 24–45.
9. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

10. Слипецкая В.Д. Проклятие как средство репрезентации негативной коммуникации // Науковий вісник ДДПУ імені І. Франка. Серія: Філологічні науки. Мовознавство. 2015. № 3. С. 236–240.

REFERENCES

1. Bell R.T. *Sociolingvistika. Celi, metody i problemy* [Sociolinguistics. Aims, methods and problems]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1980. 320 p.
2. Vezhbitskaya A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Proshchchenie Publ., 1996. 300 p.
3. Gal'perin I.R. [About the term "slang"]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics]. 1956, no. 6, pp. 104–114.
4. Grishanina E.B. [Reduced vocabulary as a means of characterization in the works of A.P. Chekhov]. In: *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of Taganrog Institute n.a. A.P. Chekhov], 2008, no. 1, pp. 18–22.
5. Dembskaya K. [Linguistic taboos: euphemisms and vulgarisms in the modern Russian language]. In: *Rossica Olomucensia XXXVIII zarok 1999 (Ročenka Katedry Slavistikyna Filozofické Fakultě Univerzity Palackého)*. Olomouc, 2000, pp. 235–239.
6. Zhel'vis V.I. *Jemotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheseskaja interpretacija rechevogo vozdejstvija: monografija* [The emotive aspect of speech. Psycholinguistic interpretation of speech influence: monograph]. Yaroslavl, 1990. 81 p.
7. Lorents K. *Agressija (tak nazyvaemoe «zlo»)* [Aggression (the so-called "evil")] / transl. from German. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994. 272 p.
8. Karasik V.I. [Verbal behaviour and the types of linguistic personalities]. In: *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs* [Mass culture at the turn of XX–XXI centuries: the Man and his discourse]. Moscow, 2003, pp. 24–45.
9. Shakhovskii V.I. *Jemocii: Dolvingvistika, lingvistika, lingvokul'turologija* [Emotions: Pre-linguistics, linguistics, cultural linguistics]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 128 p.
10. Slipetskaya V.D. The curse as a means of representation of negative communication. In: *Nauchnyj vestnik Drogobychskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni Ivana Franko*, no. 3, pp. 236–240.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиринова Людмила Александровна – аспирант второго года обучения кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: lusi1984@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liudmila Sirinova – postgraduate at the Department of Language theory and English studies, Moscow Region State University;
e-mail: lusi1984@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сиринова Л.А. Способы выражения негативных эмоций: сниженная лексика, фразеологизмы, эвфемизмы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-133-140

FOR CITATION

L. Sirinova. Ways of expressing negative emotions: reduced vocabulary, phraseologisms, euphemisms. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2017, no. 5, pp. 133–140.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-133-140